

УДК 81'42:165.191:316.28

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Валеева Л.В., к. филол. н., доцент

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

В статье представлено онтологическое обоснование сосуществования когнитивно стабильных лексических единиц мифа и коммуникативно мобильных, производных языковых репрезентаций мифа. Исследованы современные концепции информации, коммуникации, времени, памяти, обусловившие активность лексики мифа виртуального происхождения.

Ключевые слова: язык, лексика, миф, онтология, коммуникация, время.

Валеева Л.В. ОНТОЛОГІЧНА СПЕЦИФІКАЦІЯ ЛЕКСИКИ МІФУ В СУЧАСНІЙ КОГНІТИВНО-КОММУНІКАТИВНІЙ ПАРАДИГМІ / Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, Україна.

У статті представлено онтологічне обґрунтування співіснування когнітивно стабільних лексичних одиниць міфу і комунікативно мобільних, похідних мовних репрезентацій міфу. Досліджені сучасні концепції інформації, комунікації, часу, пам'яті, що зумовили активність лексики міфу віртуального походження.

Ключові слова: мова, лексика, міф, онтологія, комунікація, час.

Valieieva L. ONTOLOGICAL SPECIFICATIONS VOCABULARY OF MYTH IN MODERN COGNITIVE-COMMUNICATIVE PARADIGM / Tauride National V.I.Vernadsky University, Ukraine.

In the article the ontological ground of coexistence is presented cognitively stable lexical units of myth and communicative mobile, derivative myth linguistic representations. Explored the modern conceptions of information, communication, time, memory, language determined the activity of virtual origin of the myth.

Key words: language, vocabulary, myth, ontology, communication, time.

Актуальность проблемы. Возрастающий интерес к проблемам познания и коммуникации обусловил интенсивную разработку новых методик изучения языка. В современном мире утвердился и активно развивается медиалогический подход к языку, в основе которого приоритетность и уникальность массмедийного дискурса (В.М. Березин, Б.Н. Головкин, К.В. Костина, В.Г. Костомаров, Л.Г. Лисицкая, И.А. Мальковская, Л.О. Чернейко, А.И. Черных, Т.В. Чернышова, В.Е. Чернявская). Исследования языка средств массовой коммуникации корректируют лингвистические положения об информации и коммуникации и формируют новый металингвистический базис.

Постановка проблемы. А.А. Залевская убедительно доказывает, что лишь небольшая часть знания, ассоциируемого с некоторой концептуальной областью, эксплицитно используется при построении нужного ментального пространства, остальные пересечения и конфигурации лексических значений когнитивно картируются средствами языковой манифестации с учетом прагматических требований дискурса [6]. Стремительное развитие средств массовой информации изменило структуру языковой репрезентации мира. Ж.Бодрийяр констатирует, что масс-медиа предстают в качестве антипроводника, что они нетранзитивны, антикоммуникативны [4]. Н.Луман заключает, что медиакommunikation способствует развитию “чрезвычайной социальной зависимости и акцентированной индивидуализации” [9, с. 9]. Термин *коммуникация* и его производные (подобно *антикоммуникация*) являются основой пересмотра функциональной характеристики языковых процессов.

Целью данного исследования является онтологическая характеристика процессов функциональной категоризации лексики мифа в соответствии с новыми разработками в области языка, информации, времени, памяти.

Традиционно язык рассматривается в качестве важнейшего средства человеческого общения, а также орудия познания и инструмента мышления. Общение определяется как многоаспектное явление, представляющее осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обязательной обратной связью. В перечень характерологических признаков общения не включаются действия, связанные с информационным обменом, так как они исключают индивидуализацию собеседника и не устанавливают эмоциональные отношения [13]. Смысл коммуникации, этимологически близкой общению (от лат. *communico* – делаю общим, общаюсь), заключается в обмене любой информацией, соотносящейся с дискурсивной практикой. Анализ общеизвестной дефиниции показывает, что коммуникации отводится роль орудия познания и инструмента мышления, что не согласуется с эмпирической практикой и коммуникативным опытом членов современного информационного общества. Социализированный характер коммуникативной деятельности позволяет исследователям изучать механизм функционирования вербальных

знаков как своеобразный способ освоения, осмысления и конструирования мира. С появлением технологических и технических инноваций медиасферы общение становится одним из разновидностей коммуникации и отождествляется с ее межличностной формой, а коммуникация как преобразование любой информации матричного типа определяется универсальным способом получения и переработки информации, ориентированным на социальную адаптацию человека.

Новый взгляд на коммуникацию в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы изменил существующую модель времени в языке. Классическое естественное восприятие времени связано с признаками непредвзятости, одномерности, необратимости [1]. Первоначальное осознание времени базировалось на так называемом космическом времени – смене периодов суток и чередовании сезонов в течение года. Следующий этап формирования концепции времени связан с пониманием цикличности космических и исторических процессов. В.М. Березин подчеркивает, что время понималось как обратимый процесс, как феномен, обладающий присущим лишь пространству свойством симметрии. Акт обновления представлен не как эволюционный процесс, а как некое волевое революционное действие, ведущее к совершенствованию мира и возникновению нового человека [3]. Время формирует и организует сознание, проявляясь психологически и субъективно. “Для нас гораздо важнее ощущение времени и собственное внутреннее отношение к нему, чем осознание времени как физической ньютоновской длительности, для нас более существенны наполненность времени событиями и качество времени, чем его естественный ход. ... Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, – с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадежностью” [7, с. 139]. С середины 80-х годов прошлого столетия разрабатывается теория хаоса, согласно которой в развитии любой системы (в том числе и человека) время ведет себя и как детерминированный, и как случайный фактор. Время из независимого, с фиксированными координатами объекта становится намеренно сконструированным средством достижения результата. Таким образом, время присутствует в медиалогически измеряемом языке как устойчивая категория с четким настоящим, конвенциональным прошлым и неизвестным будущим и как виртуальная категория с четким определением будущего и способов создания будущего, аморфным прошлым и несущественным настоящим.

Утвердившаяся концепция времени как проекции социокультурной концептуализации позволила по-новому рассмотреть семантику языковых единиц, отражающих темпоральный опыт человека.

Если время детерминировано, согласно опыту, позволяющему ориентироваться в некоторой предметной области, то языковые единицы верифицируют объекты реальности. Они четко оформлены, независимы, однозначны, с очень высокой информативностью. Подобные языковые формы организуют когнитивную базу коммуникации и создают предметную реальность. В то же время опыт является продуктом активной деятельности субъекта и предполагает “использование определенных схем и эталонов (некоторые из которых могут быть врожденными), языка, категорий культуры” [10, с. 159]. Опыт и память фиксируют и координируют существенные и адаптационные корреляции признаков, возникающие в результате взаимодействия человека с реальными объектами, с целью тематизации предметной области бытия. Языковое пространство памяти объективной реальности отражает опыт обращения со временем и накопленные (фоновые, культурные, энциклопедические) знания. М.Хальбвакс показал, что организация опыта осуществляется двумя способами: воспоминания бывают личными и коллективными. Коллективная память, в отличие от индивидуальной, объединяет факты как вариации на одну или несколько тем, так как определяется в большей степени социальными и культурными параметрами, нежели индивидуальными [16]. Ян Асман выделяет коммуникативную и культурную память. Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым и соответствуют 3-4 поколениям (и тождественна коллективной памяти в интерпретации других ученых). Эти воспоминания возникают во времени и проходят вместе со своими носителями. Культурная память – это результат работы специальных институтов и имеет своих хранителей и выразителей – шаманов, жрецов, бардов, художников, писателей, ученых и т. п. Она “есть орган не-повседневного воспоминания”, облеченная в прочные и ритуальные формы [2]. Накопленные знания особым образом преломляются в жизни общества, где преобразуются в моральные, этические и юридические нормы поведения, деятельности и социальных отношений. Временная координата мира не только параметрична, но и аксиологична, эвристична, креативна [11].

Языковые единицы мифа, представляющие мир предметной реальности, регламентированы когнитивной базой культурной памяти. Мифологизация в языковом пространстве памяти, по мнению Ю. М. Лотмана, является законообразующим центром культур [8]. Мифы складываются в культурно-национальные фабульные системы и формируют достаточно замкнутые языковые пространства. В эту группу традиционно включаются мифологические онимы первичного или производного типа. Выбор онима как коррелята языковой единицы мифа связан со способностью собственного имени выделять именованный объект посредством его индивидуализации и идентификации. Объект, именованный собственным именем, всегда определен и конкретен. Если конкретность именованного объекта становится неочевидной, наблюдается тенденция перехода имени собственного в нарицательное. Таким образом, онимы могут использоваться во вторичных функциях. Семантика мифонима, мифологического собственного имени, определяется как оппозиция системе значений предметно объективированного мира и дифференцируется по признаку

вымышленного, то есть несоответствия действительности. Мифологизация объединяет имена, по определению М. И. Стеблина-Каменского, представляющие образы, исконная форма которых никогда не может быть установлена, поэтому форма диффузна по отношению к содержанию и является достоянием коллектива, его культурной памяти [12]. К мифонимам относят языковые единицы, во-первых, группы сюжетно оформленной и персонифицированной религии; во-вторых, группы функционально и идейно переосмысленной в художественные образы древней мифологии.

Если время является контролируемой адаптационной структурой, то языковые средства, репрезентирующие настоящее, не обладают устойчивыми когнитивными координатами. Б.А. Успенский считает, что реальность, к которой отсылают эти знаки, предстает как средостение между человеком и объективной реальностью (т.е. действительностью, существующей независимо от нас, которую мы можем только постулировать) [15]. В современном гуманитарном знании реальность, которая полностью погружена в выдуманные миры, получила название виртуальной. Коммуникативный мир виртуалистики оперирует субъективными образами объективной реальности, в которой очевидные смыслы стерты или завуалированы. В этой реальности информация разрушает или трансформирует предметную сигнификацию и, по выражению Ж. Бодрийера, “пожирает” собственное содержание [5]. Особенностью виртуальной реальности является ее производность, так как она создается активностью другой реальности; интерактивность, так как виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей ее как независимые друг от друга; автономность; интертекстуальность; вторичная семиотическая представленность и др. В виртуальном мире главной ценностью являются не значения предметов, а отношения, определяющие предметы как продукты конвенционального времени. Виртуальная реальность строится на аккумуляции лексического значения до смыслового сгустка с последующей ассоциативной интерпретацией и на мифологизации как моделировании будущего с намеренным разрушением прошлого и реконструкцией очевидного.

Семантика языковых единиц последовательно актуализированной и мифологизированной реальности, прежде всего, соответствует желанию и установке адресата. Лексика виртуальных миров мультиплицирует ментальные позиции коммуникантов и конструирует мифологизированный опыт по трем векторам: абсолютной трансценденции, прецедентности и идеологии. Л.О. Чернейко отмечает, что имена, заключающие в себе метафизические понятия, ассоциативны по своей природе. “Такие феномены, как свобода вера, власть, судьба предстают перед нами в самых разных обликах, выявить которые оказывается возможным лишь исходя из анализа предикативной сочетаемости имени” [14, с. 239]. Интерактивный характер множественных реальностей продуцирует феномен прецедентности, а посредничество масс-медиа в сфере политической деятельности и идеологических практик делает лексику данного типа амбивалентной, с ярко выраженной способностью представлять разнообразные коммуникативные задачи. Языковые единицы, репрезентирующие мифы современности, сосуществуют с базовыми номинациями, породившими их. Мифемы (так был назван инвариант языковой единицы мифа) отличаются намеренной социализацией и яркой аксиологической характеристикой по сравнению с прототипическими лексемами.

Вывод. Утверждение полионтологической природы современного языка вызвано изменением соотношения между базовыми составляющими функциональной природы языка: общением, информацией и коммуникацией. Глобальный и одновременно фрагментарный характер массмедийной среды обусловил переоценку фундаментальной природы категорий времени и памяти, что, в свою очередь, обозначило различие между лексикой мифа вещественного и виртуального миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: “Языки русской культуры”, 1999. – 896 с.
2. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [пер. с нем. М.М. Сокольской] / Ян Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В.М. Березин. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
4. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / Ж.Бодрийяр // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193-226.
5. Бодрийяр Ж. Симулякри і симуляція [пер. з фр. В.Ховхун] / Ж.Бодрийяр. – К.: Вид-во Соломії Павличко “Основи”, 2004. – 230 с.

6. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
7. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Язык и время; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Издательство “Индрик”, 1997.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера и проблема сюжета / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – С.-Петербург: “Искусство–СПБ”, 2000. – С. 276-297.
9. Луман Н. Медиа коммуникации [пер. с нем. А.Глухов, О.Никифоров] / Н.Луман. – М.: Издательство “Логос”, 2005. – 280 с.
10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; [научно-ред. совет: предс. В.С. Степин; заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов]. – М.: Мысль, 2010. –Т. 3. – 2010. – 744 с.
11. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Издательство “Индрик”, 1997. – С. 78-95.
12. Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии / М. И. Стеблин-Каменский. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 928 с.
13. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.
14. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010. – 272 с.
15. Успенский Б. А. Ego Loguens: Язык и коммуникативное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М.Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40-41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.

УДК 82... А/Я 1/7. 08:82. 161. 2

СЛОВОТВОРЧІ ЗАСОБИ ОБРАЗНОСТІ ПОЕТИЧНОЇ МОВИ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Василевич Г.Я., к. філол. н., доцент

Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника

У статті проаналізовано роль словотворчих засобів української мови у розкритті образності поетичного мовлення Лесі Українки в контексті широкої гами емоційних переживань ліричного героя та поетичної образотворчої неповторності.

Ключові слова: *Леся Українка, поетичність, образність вислову, образність синтезу, словотворчий формант, дериват.*

ВАСИЛЕВИЧ А. Я. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБРАЗНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЛЕСИ УКРАИНКИ/ Прикарпатский национальный университет им.В.Стефаника, Украина.

В статье проанализирована роль словообразовательных средств украинского языка в раскрытии образности поэтической речи Лесы Украинки в контексте широкой гаммы эмоциональных переживаний лирического героя и поэтической изобразительной неповторимости.

Ключевые слова: *Леся Украинка, поэтичность, образность высказывания, образность синтеза, словообразовательный формант, дериват.*

H.VASYLEVYCH, WORD FORMATION IN LESYA UKRAINKA'S FIGURATIVE POETIC LANGUAGE/ Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, Ukraine.